

новой страны и в изменившейся геополитической реальности достаточно быстро проявились накопившиеся противоречия в институциональном оформлении и проявлениях культурно сложного общества, каковым являлось население полуострова — полиэтническое, многоконфессиональное, разделённое на множество социальных страт с подчас противоположными интересами, статусными позициями и возможностями. Эти обстоятельства провоцировали часть внутренних и внешних сил на использование специфических условий «места и времени» далеко не в интересах народов и самого украинского государства, оказавшегося не способным успешно решить ни одну из стоявших перед ним ключевых задач, во многом вследствие низкой социальной и политической ответственности его правящего класса.

Всеохватная панорама истории полуострова позволила авторам книги изложить основные результаты исследований нескольких поколений

учёных и показать современное состояние научного изучения прошлого Крыма. В целом рецензируемая монография позволяет составить полное представление о важнейших событиях, проблемах и достижениях региона и населяющих его народов. Коллектив авторитетных специалистов обеспечил синтез источниковой базы и научных исследований по истории полуострова как органичной части российской историографии. В большинстве глав строгость научного анализа сочетается с простотой стиля изложения, что делает книгу доступной для массового читателя. Некоторые упущения, касающиеся истории определённых сфер жизни на разных отрезках развития полуострова, могут стимулировать дополнительные изыскания. В целом первая научная обобщающая «История Крыма», несомненно, окажется полезной для историков, археологов, этнографов и всех, кто интересуется прошлым этого уникального российского региона.

Антон Короленков

Anton Korolenkov

(State Academic University for Humanities, Moscow, Russia)

Рец. на: W.K. Hanak. The Nature and the Image of Princely Power in Kievan Rus', 980—1054. A Study of Sources. Leiden; Boston: Brill, 2014. XVIII, 203 p.*

DOI: 10.31857/S086956870005871-9

Что собой представляла власть киевского князя во времена Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, в силу скудости источников всегда будет предметом дискуссий. Американский исследователь Уолтер Ханак (уже, увы, покойный) на стра-

ницах монографии «Характер и изображение княжеской власти в Киевской Руси. 980—1054 гг. Исследование источников» представил собственное видение проблемы, особое внимание обратив на образ княжеской власти в древнерусских материалах XI—XII вв.

* Ханак У.К. Характер и изображение княжеской власти в Киевской Руси. 980—1054 гг. Исследование источников. Лейден; Бостон: Брилль, 2014. XVIII, 203 с.

Автор прослеживает становление Руси следующим образом. Рюрик установил власть над Новгородом¹, Полоцком, Ростовом, Белоозером и Муромом, поручив на местах управление как варяжским (нередко родственникам), так и славянским князьям, боярам и помощникам норманнского и славянского происхождения. Олег укрепил власть Рюриковичей и объединил север и юг Руси, поставив «грады» для защиты торговли, способствовавшие также ускоренному подчинению окрестных земель. В отсутствие стабильных территориальных политий он имел возможность пресекать всякие претензии славянских племён в будущем на независимую политическую жизнь, однако создать стабильное единое государство не успел. Положение радимичей, древлян и северян после покорения их Олегом отличалось от статуса северных славянских племён — первые лишь платили дань и участвовали в походах, сохраняя свои социально-политические институты. Игорь в борьбе с печенегами, видимо, повысил налоги, но стал жертвой древлян, Ольга же «завершила процесс разделения славянских земель и их инкорпорирования в качестве интегральных частей в централизованное Киевское государство и его систему управления» (р. 21). Местные князья имели столько полномочий, сколько им оставлял Киев, верховная же власть была сосредоточена в руках Рюриковичей. Святослав, посадив князьями в различных славянских землях сыновей, подорвал созданную Ольгой систему, и славянские племена вновь выступили против господства Рюриковичей. Владимир усмирил вятичей, подчинил радимичей, и поэтому его сыновья имели меньше проблем во внутренних делах и смогли уделять

намного больше внимания вопросам внешним.

Новые сложности создало завещание Ярослава Мудрого, которое, по мнению автора, подрывало принципы кланового правления и провозглашало неделимость княжеской власти, однако результаты оказались совсем иными — с самого начала власть перешла в руки не одного киевского князя, а триумvirата. «Следствием завещания Ярослава не было упорядоченное решение вопроса о наследовании, которое имело бы силу закона, — оно, напротив, вводило альтернативный метод отбора, который усложнял положение княжеской власти и в конечном счёте так ослаблял её, что делал княжеский престол в Киеве неэффективным в делах управления и обороны княжества» (р. 125—126). Суждение, прямо скажем, весьма спорное, поскольку неясно, что имеет в виду автор под «альтернативным методом избрания» (*an alternate method of selection*), о котором в «ряде» Ярослава речи не шло, да и установление чёткой системы наследования ничего не решило бы, поскольку Святослав и Всеволод могли проигнорировать её точно так же, как проигнорировали со временем требование отца подчиняться Изяславу, который, очевидно, и должен был решать вопрос о наследовании киевского стола в дальнейшем. Следует также помнить о том, что благодаря завещанию Ярослава впервые за время жизни трёх поколений удалось обеспечить переход власти без новой смуты².

С началом княжения Владимира, полагает Ханак, усилилась роль трёх древних славянских институтов — князей, воевод и веча. Князья появились ещё в древности как клановые и племенные вожди, со временем ставшие превращать власть над родом, подобно скандинавским

конунгам, во власть над территорией. Автор отмечает, что использование титула «великий князь» до 1054 г. спорно — эти слова могли обозначать просто выдающегося правителя, а их присутствие в летописи не отражает реалий X — первой половины XI в.³ Кроме того, летописцы (и только они) используют в отношении киевского князя слово «самовластец» (очевидно, греческое *αὐταρχος*) и «единовластец» (*μόναρχος*). Вполне вероятно, что на монетах Владимир именовал себя «автократором» (легенда сохранилась лишь частично), а Иларион, назвавший Ярослава каганом⁴, возможно, сделал это просто потому, что так поступал и сам князь (летописцы его подобным образом не титуловали). При всей расплывчатости этого термина, как полагает автор, ясно одно — он подразумевал независимого правителя, каковыми себя и ощущали киевские князья в условиях, когда можно было опасаться попыток империи ромеев ущемить независимость Руси. Владимир и Ярослав, допуская Ханак, знали о том, что в глазах византийцев Русь имела подчинённый статус (р. 93). Примечательно, что сами византийцы, похоже, громких титулов русским князьям не давали. В Повести временных лет (далее — ПВЛ) супруга князя Владимира Анна названа «царева Володимеря», а жена Всеволода Ярославича Мария — «царица грекыня», однако на печати она именуется более скромно — архонтиссой.

Весьма любопытно оценивает автор роль воевод. Они появились также до прихода норманнов. Более того, по мнению Ханака, хотя термин «князь» был знаком восточнославянским племенам, он, по-видимому, оставался им чужд, как и представления о правящей династии, и в этих условиях активно развивался институт воевод, порождённый нуждами

племён (защита населения и торговых путей) и подчас ассоциировавшийся с «градами». При этом «авторы ПВЛ демонстрируют озабоченность тем, что воеводам не хватает чувства национальной идентичности и национальной монархии, которое перевешивало бы партикуляристские интересы отдельных княжеств и племён. Поэтому воеводы рассматриваются как орудия хаоса и раздора» (р. 154). Согласиться с таким мнением вряд ли возможно, поскольку рассуждения о «чувстве национальной идентичности и национальной монархии» (*a sense of national identity and of national monarchy*) представляются неисторичными, и прежде следовало бы показать, что таковыми обладали сами летописцы XII в. Кроме того, единственный серьёзный пример, на который опирается Ханак — предательство Ярополка Блудом. Аморальное само по себе, объективно оно отнюдь не мешало созданию если не национального, то во всяком случае относительно единого государства. Причём развязыванию этой войны способствовал другой воевода, Свенельд, на что указывает сам исследователь (р. 10—11). Вспомним победителя радимичей воеводу Волчьего Хвоста, а также Вышату, отказавшего бросить воинов под Константинополем — они у летописцев отрицательных эмоций не вызывают. Спорен и тезис о росте значения воевод с вокняжением Владимира. Хотя князь и обещал Блуду, «аще убью брата своего, имети ты хочу в отца место»⁵, вторым Свенельдом тот не стал.

И, наконец, вече. Его роль, по мнению Ханака, преуменьшать не стоит. Именно оно обратилось к Рюрику за помощью в преодолении раздоров. Как показывают события в Белгороде (в ПВЛ под 997 г.), на местах вече обладало высшей юрисдикцией по отношению к населению. Летописцы

считали, что оно сыграло немалую роль в территориальной унификации северо-восточных славян и выступали за сохранение за ним права голоса в княжеских делах, хотя и уклонялись от обсуждения вопроса о том, каким образом народное собрание может подорвать власть законного князя. В ПВЛ оно ограничивает власть князя лишь до решения вопроса о наследовании (как во время борьбы Ярослава и Святополка), но не после. Вече не издавало законов, его полномочия в делах управления территориями сократились, что, впрочем, не имело принципиального значения для его выживания как института. Князья продолжали советоваться с народным собранием, причём, как отмечает автор, Владимир более зависел от мнения «старцев», чем Ярослав, и нет сведений о создании общенационального веча. Обратное, заметим, было бы в высшей степени странно — автор явно мыслит современными категориями, забывая даже о таком очевидном факторе, как трудности, сопряжённые с размерами Руси. Славянские племена были слишком разнородны, чтобы создать *national consultative assembly* (р. 164), да и осознали ли они себя национальной общностью, тем более в государстве (или протогосударстве), созданном силой оружия? Сомнителен и тезис о росте роли веча — скудость источников не даёт материала для сопоставления с прежним периодом. Автор отмечает нерегулярность собраний веча, не делая, однако, следующего шага — признания того, что оно выказывало свою силу лишь в «пограничных» ситуациях⁶.

В этих условиях важна была роль дружины — источника власти князя, но также и её ограничителя. Показателен случай призыва Владимиром «мужей добрых, и смысленых, и храбрых»⁷, которым он раздавал «грады».

Они вошли в состав дружины, с которой Владимир советовался по вопросу о вере, «и о ратех, и о уставе землею». Любопытно, что при этом ПВЛ не сообщает ничего подобного о Ярославе, сведения на сей счёт есть лишь в одной из новгородских летописей. Стоит заметить, что скудость летописных сообщений не позволяет судить о том, действительно ли Ярослав не советовался с дружиной (подобное в принципе исключено), или делал это гораздо меньше, чем его отец. Возможно, летописцы просто не сочли нужным упомянуть о таких случаях.

Но появился и новый институт — православная церковь. Ханак разделяет традиционную точку зрения, согласно которой Владимир и Ярослав не жертвовали властью ради церкви, сохраняя контроль над ней. Чуждую византийскому канону десятину Владимир ввёл как противовес церковным претензиям Византии. Впрочем, церковь на Руси не стремилась уменьшить власть князя, ибо та расширяла её собственную.

Древнерусские авторы стремились примирить князей христианского государства с их языческим прошлым, что легче было сделать через создание легко узнаваемой философии истории. Основой историографической концептуализации, что вполне естественно, стал Ветхий Завет, откуда заимствуется схема событий для описания событий X—XI вв.: безначалие (рассказы о первых десятилетиях Руси напоминают о времени до Давида в Ветхом Завете), на смену которому приходит твёрдая власть в лице Давида и Соломона (на Руси — Владимира и Ярослава, причём Владимир сравнивается с обоими израильскими царями). Давид и в Ветхом Завете, и в ПВЛ рассматривается как пример

идеального правителя, аналогично оценивается и Владимир.

Но куда больше внимания уделяет Ханак сравнению Владимира с Соломоном. Оба посвятили себя служению Богу, и их государства процветали. Владимир в отличие от Соломона в начале правления был весьма воинствен, но, подобно израильскому царю, в последние годы стал миролюбив и немало внимания уделял торговле. Соломон назначил двенадцать наместников, тогда как Владимир посадил в различных городах двенадцать сыновей. Правда, тут же автор указывает и на важное различие, ибо князь закреплял важнейшие русские центры за членами своей семьи, тогда как израильскому царю приходилось полагаться на верность сторонников, которая была сомнительна. Впрочем, автор тут же дезавуирует это различие: как продемонстрировали события 1015 г., то же можно сказать и о лояльности сыновей Владимира. В итоге после смерти обоих правителей их державы распались.

На этом совпадения между событиями, описанными в Библии и ПВЛ, не заканчиваются: наследник Соломона Ровоам правил в разделённой Иудее 17 лет, как и Ярослав в 1019—1036 гг., оба много занимались военными вопросами. Однако если строго следовать логике Библии, замечает автор, то умереть должен был бы Ярослав, что закрепило бы раздел Руси. Но первым скончался Мстислав, и это привело к восстановлению единства русских земель. Оправданием единовластия Ярослава является его мудрость — ещё одно уподобление Соломону. В то же время ни Владимир, ни Ярослав не просят Бога, в отличие от Соломона, даровать им дух справедливости и праведности. Что же касается Мстислава, о котором при-

менительно к 1019—1036 гг. летописи говорят совсем немного, то здесь, возможно, сравнивались ситуация в «земле обетованной» (начавшееся смешение иудеев с филистимлянами) и на Руси (расселение Мстиславом ясов и касогов в своих владениях).

Автор старается проследить византийские и скандинавские мотивы в подходе древнерусских писателей XII в. к описанию сюжетов, связанных с властью. И Иаков Мних, и авторы ПВЛ, что вполне естественно, уподобляют Владимира Константину. В ПВЛ о Владимире в духе византийской традиции говорится, что он «поставлен... от Бога», Ярослав именуется «самовластцем»⁸, зато, когда речь заходит о Святополке, летописцы вспоминают идущее из Скандинавии право смещения правителя. Борис и Глеб ведут себя отнюдь не как суровые скандинавские воители, а как настоящие святые в стиле византийской агиографии, не желая поднять руку на старшего брата и принимая мученическую смерть. Летописцы стремятся изобразить Ярослава изолированно от скандинавского «контекста», хотя тот долгое время зависел от варягов, был женат на шведской принцессе. Подчёркивается несвойственная норманнам любовь князя к книгам, распространение при его покровительстве греческой литературы. Но на смертном одре Ярослав, как полагает Ханак, ведёт себя как скандинавский правитель, вводя чуждую славянам систему наследования. Суждение более чем сомнительное, ибо наказ младшим братьям слушаться старшего ничего специфически скандинавского в себе не несёт, вполне соответствуя чтимым в Византии библейским нормам. Кроме того, системы наследования как таковой Ярослав не устанавливал, поскольку о его внуках в завещании

ничего не сказано⁹. Кроме того, сами летописцы вряд ли оценивали поступок князя как проявление скандинавского начала — во всяком случае, ничто в тексте на это не указывает.

В этом плане не вполне понятен, по мнению Ханака, образ Мстислава Тмутараканского. Изображение его правления несёт на себе следы библейской традиции о царстве Иероваама с характерным для того смешением народов и упадком истинной веры. В то же время знаменитая характеристика этого князя («бе же Мстислав телом деibel, чермен лицом»)¹⁰ выдержана в варяжском духе (отмечаются доблесть и славолубие почившего), вызывая в памяти образы конунгов и противоречия ветхозаветной традиции, используемой в других случаях. Соответствующий подход отразился и в отборе материала — Мстислав изображён почти исключительно как воин, о других сторонах его деятельности практически не упоминается. В то же время, несмотря на одержанные победы, он с готовностью отдаёт киевский стол Ярославу как старшему. Наблюдения Ханака интересны, но непонятен такой подход авторов ПВЛ лишь в том случае, если считать, что они должны придерживаться строго одной линии в изображении князей (а это не очевидно). В заключении исследователь пишет: «Создав независимую историографическую традицию, основанную на книгах Ветхого завета, и в то же время, будучи осведомлены о славянских, норманнских и византийских веяниях, которые помогают объяснить природу и образ княжеского правления, русские летописцы и апологеты стремятся закрепить созданный ими образ княжеской власти. Порою в текстах проявляются противоречия, и идея этой власти не обязательно соответствует её реалиям» (p. 170).

Автор написал интересную работу, изучив большой источниковый и (в меньшей степени) историографический материал. Особенно любопытны наблюдения автора над источниками (прежде всего параллели с ветхозаветной традицией, хотя, конечно, идея таких параллелей принадлежит не ему)¹¹, лишний раз показывающие сложность работы с древнерусскими материалами. В то же время увлечение параллелями иногда заводит исследователя слишком далеко, поскольку он начинает приписывать их осознание и древнерусским авторам. Довольно странно звучат многие суждения о княжеской власти, вече и воеводах, основанные подчас на умозрительных посылках, а не на материале источников¹². Однако иногда даже очень спорные выводы могут оказаться полезными, способствуя плодотворной полемике и дальнейшему изучению вопроса.

Примечания

¹ Очевидный анахронизм — речь должна идти о Ладоге, поскольку Новгород тогда ещё не существовал (см., например: *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 109).

² См., например: *Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 451.

³ Автору осталось неизвестным любопытное суждение М.Б. Свердлова, полагающего, что «значительное возвышение княжеской власти над всеми прочими социально-политическими структурами» делало на первых порах вполне достаточным титул князя, а не великого князя (см. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь... С. 422).

⁴ *Митрополит Иларион.* Слово о законе и благодати // Памятники литературы Древней Руси. Т. XII. XVII век. Книга третья. М., 1994. С. 598.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 76; Т. 2. М., 1998. Стб. 64.

⁶ См.: *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 402—404, 428.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 79; Т. 2. Стб. 66.

⁸ Там же. Т. 1. Стб. 127, 150; Т. 2. Стб. 111, 138.

⁹ *Tolochko O.* «All the Happy Families...». The Rurikids in the Eleventh Century // The Neighbours of Poland in the 11th Century. Warsaw, 2002. P. 162.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150; Т. 2. Стб. 138.

¹¹ Стоит заметить, что на предшественников в этом вопросе автор ссылается довольно

скудно — у него всего пять раз упоминаются работы И.Н. Данилевского, а В.Я. Петрухина и У. Швайера, например, ни разу. Вообще работа с историографией — не самая сильная сторона книги.

¹² Нельзя также не отметить бесчисленных опечаток в написании русских имён собственных и нарицательных (р. 20, п. 41; р. 47, п. 115; р. 65, п. 172; р. 96, п. 81; и др.).

Александр Черных

Рец. на: Д.Г. Дитяткин. Проблема образования Древнерусского государства в отечественной исторической науке второй половины XIX в. М.: Проспект, 2018. 208 с.

Aleksandr Chernykh

(Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch)

Rec. ad op.: D.G. Dityatkin. Problema obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva v otechestvennoy istoricheskoy nauke vtoroy poloviny XIX v. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870005922-5

Монография Д.Г. Дитяткина посвящена важнейшей исторической проблеме, касающейся специфики формирования древнерусской государственности, а также разрешению вопроса этнического происхождения варягов и варяжской руси. Вторая цель автора — возвращение интереса к масштабному наследию историка, искусствоведа и драматурга С.А. Геденова (1816—1878). Однако историографический и исторический материал выходит за хронологические рамки, заявленные в теме исследования. Речь идёт в первую очередь о выделении особенностей процесса образования древнерусской государственности, представленных в период становления и развития отечественной исторической науки: с первой половины XVIII в. по первую половину XIX в.

Всё это позволяет говорить о гораздо большей глубине предпринятого автором анализа сложной пробле-

мы, поскольку сравнение концептуальных положений, методологических установок и аргументационной базы отечественных и зарубежных учёных разных поколений позволяет решить три основополагающие задачи. Во-первых, разобраться с ключевыми положениями славяно-балтийской концепции Геденова, согласно которой варяги являлись славянскими племенами, вышедшими из Южной Балтики. Во-вторых, более объективно и взвешенно проанализировать суть разрешения варяжского вопроса с позиций антинорманизма. В-третьих, определить роль и влияние концептуальных положений Геденова на спор норманистов и антинорманистов, сделав акцент на историческом и историографическом материале.

Исследование даёт представление об уровне развития знаний об истории в начальные периоды отечественной науки, о магистральных идеях